

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ДЕЛО РЯБИКИН ПРОТИВ РОССИИ

(Заявление № 8320/04)

РЕШЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

19 июня 2008 г.

Настоящее решение вступит в законную силу при обстоятельствах, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редактированию

В деле Рябкин против России,

Европейский суд по правам человека (Первый отдел), заседая в составе Палаты судей, состоящей из:

Христоса Розакиса, Президента,

Нины Важич,

Анатолия Ковлера,

Элизабет Штайнер,

Ханлара Гаджиева,

Дин Шпильман,

Сверре Эрика Джебенса, судей,

и Сорена Нильсена, Регистратора Отдела,

обсуждая при закрытых дверях 29 мая 2008 г.,

вынес следующее решение, которое было принято в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело начато в связи с заявлением (№ 8320/04) против Российской Федерации, поданного в Суд в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ("Конвенция") туркменским гражданином г-ном Рябкиным Александром Ивановичем ("Заявитель") 5 марта 2004 года.

2. Заявителя, которому была предоставлена юридическая помощь, представляла г-жа О.Цейтлина, адвокат, практикующий в Санкт-Петербурге. Российское правительство ("Правительство") первоначально было представлено г-ном П.Лаптевым, бывшим Представителем Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, а впоследствии его представителем, г-жой В.Милинчук.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что его экстрадиция в Туркменистан повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции, что его содержание под стражей в ожидании экстрадиции было незаконным, и что в отношении его содержания под стражей не было никакого судебного разбирательства, что нарушает положения Статьи 5 §§ 1 (f) и 4 Конвенции.

4. 9 марта 2004 года Президент Палаты сообщил Правительству-ответчику, что заявитель не подлежит экстрадиции в Туркменистан до поступления дальнейшего уведомления (Правило 39 Регламента Суда). 9 апреля 2004 года Суд предоставил заявлению право приоритета (Правило 41 Регламента Суда). 8 сентября 2005 года Суд постановил, что временная мера должна быть снята.

5. В решении от 4 апреля 2007 года Суд объявил заявление частично приемлемым.

6. После проведенных консультаций сторон Палата решила, что по существу дела не требуется проводить слушания (Правило 59 § 3 *в конце раздела*), стороны предоставили письменные комментарии в ответ друг другу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1953 году и в настоящее время проживает в Санкт-Петербурге.

A. Судебное разбирательство в Туркменистане

8. Заявитель родился и жил в Ашхабаде, в Туркменистане. Он русский по национальности и члены его семьи проживают в России. В Туркменистане он возглавлял общество с ограниченной ответственностью под названием «Аргмак», которое занималось строительством и торговлей.

9. По словам заявителя, в период с 1997 по 1999 года «Аргмак» выполнял работы в рамках государственного заказа. Заявитель утверждал, что некоторые должностные лица из Министерства финансов Туркменистана отказывались выполнять свои обязательства по контракту и платить за работу до тех пор, пока заявитель не заплатил взятку в размере 10 000 долларов США (USD). Заявитель далее утверждал, что еще в мае 2000 года он обращался в Управление по надзору за экономическими преступлениями Министерства Внутренних Дел и жаловался на двух инспекторов Министерства Финансов, С. и Д.. Оба инспектора, по утверждению заявителя, были туркменами по национальности. В Управлении по надзору за экономическими преступлениями, как утверждает, заявителю выдали специально помеченные банкноты, и С. был задержан во время передачи денег. После расследования уголовного преступления дело в отношении С. и Д. было передано в суд, который после двух дней слушаний потребовал дополнительного расследования. Оказалось, что заявитель проходил по делу в качестве свидетеля. Заявителю, который указал, что он не говорит по-туркменски, не был представлен переводчик, хотя разбирательство проводилось на туркменском языке. Заявитель не был проинформирован о результатах уголовного дела.

10. После мая 2000 года заявитель, как утверждает, подвергся давлению со стороны правоохранительных органов. По его словам, должностные лица этих органов угрожали отпущением и потребовали, чтобы он изменил свою позицию в уголовном деле. Заявитель утверждал, что в октябре и ноябре 2000 г. его приглашали для допроса в транспортный отдел Департамента по борьбе с организованной преступностью примерно 25 раз, то есть почти каждый день. В его адрес также поступали угрозы от Д. и родственников С. Кроме того, в октябре и ноябре 2000 года заявителя предположительно подвергли несколько раз допросу в Государственном Комитете Безопасности Туркменистана в отношении его хозяйственной деятельности, и ему было предложено стать информатором. Когда заявитель отказался, в его адрес поступили новые угрозы.

11. В результате заявитель утверждает, что он опасается за свою жизнь и за жизнь своих родственников. Заявитель почувствовал, что он стал мишенью, в частности, потому, что он принадлежал к русскоязычному меньшинству и решил покинуть Туркменистан.

B. Судебное разбирательство в отношении статуса заявителя в России

12. 1 декабря 2000 года заявитель подал заявление на получение российского гражданства в российское посольство в Ашхабаде. Заявитель утверждает, что все необходимые документы были собраны и зарегистрированы в посольстве, и он получил уведомление, что его дело было зарегистрировано за № 22850.

13. 15 декабря 2000 года отделение Федеральной миграционной службы России при посольстве в Туркменистане выдало заявителю документ под названием "Разрешение на

репатриацию из Туркменистана в Россию и предоставление статуса мигранта". Документ основывался на двустороннем договоре о переселении.

14. 28 декабря 2000 года заявитель получил выездную визу из Туркменистана сроком на три месяца. 21 января 2001 года заявитель совершил поездку в Объединенные Арабские Эмираты по частному приглашению.

15. 13 мая 2001 года заявителю была выдана въездная виза посольством России в Объединенных Арабских Эмиратах, с целью въезда с пометкой "постоянное проживание".

16. 9 июня 2001 года заявитель отправился в Москву на самолете. 17 июня 2001 года он приехал в Санкт-Петербург, где живет его брат, и с тех пор проживал у брата.

17. Заявитель утверждает, что в июне 2001 года он посетил отделение Федеральной миграционной службы в Санкт-Петербурге, где его уведомили о том, что он не должен обращаться за предоставлением статуса беженца, поскольку он уже имеет статус мигранта, и что он должен будет подать заявление на получение российского гражданства.

18. Несколько раз в период с 2001 по 2003 год заявитель связывался с российским посольством в Туркменистане, Президентской Комиссией по вопросам гражданства и Министерством Внутренних Дел, наводя справки о ходе рассмотрения его заявления о предоставлении гражданства. Он заявил, что ему не был предоставлен какой-либо обоснованный ответ.

19. 9 июля 2003 года заявитель вновь обратился в отделение Федеральной миграционной службы в Санкт-Петербурге и в письменном виде попросил предоставить ему статус беженца. 23 сентября 2003 заявитель был опрошен и заявил, что он опасается преследования в Туркменистане, а также, что он был субъектом уголовного расследования. Заявитель представил в миграционную службу все необходимые документы, в том числе свой национальный паспорт.

20. 24 октября 2003 года Санкт-Петербургское представительство Федеральной миграционной службы отказало заявителю в ходатайстве о предоставлении статуса беженца, а 27 октября 2003 года заявитель был уведомлен об этом в письменном виде. В письме об отказе говорилось, что заявитель не отвечает критериям для предоставления статуса беженца, и что реальной причиной его приезда в Россию, скорее всего, является попытка уйти от уголовного преследования против него. В решении говорилось, что в 2001 году заявитель получил статус мигранта в Российском посольстве для себя и для своей семьи, однако, его семья продолжает проживать в Туркменистане. Заявитель впервые посетил Объединенные Арабские Эмираты в ходе деловой поездки, а в Россию прибыл лишь в июне 2001 года. С момента своего прибытия заявителю не удалось легализоваться в России, и он не подавал заявления о предоставлении вида на жительство или регистрации по месту своего жительства. В решении также утверждается, что Региональное Управление Внутренних Дел Санкт-Петербурга подтвердило, что с апреля 2001 года туркменские власти объявили заявителя в розыске, а впоследствии с декабря 2002 года он находился в розыске и в России по заявлению туркменских властей. В письме также содержалась информация о том, что заявитель может подать в районный суд апелляцию по данному решению, и что он должен покинуть Россию, если у него нет других законных оснований для дальнейшего пребывания.

21. 24 ноября 2003 года заявитель обратился в Куйбышевский районный суд Санкт-Петербурга, опротестовав отказ на свое заявление. В тот же день дело было зарегистрировано в суде, и первое заседание сторон было назначено на 15 декабря 2003 года. В то же время судья запросил дело заявителя из управления Федеральной Миграционной Службы Санкт-Петербурга.

22. 15 декабря 2003 года слушание дела было назначено на 2 февраля 2004 года. 2 февраля 2004 года судья постановил, что необходимо направить запрос о предоставлении материалов об участии заявителя в качестве свидетеля по уголовному делу в отношении С. и Д в Туркменистан. Следующее слушание было сначала назначено на 30 марта 2004 года, а затем отложено до 10 июня 2004 года.

23. В то же время заявитель снова связывался с различными органами в отношении своего ходатайства о предоставлении гражданства. 28 января 2004 года Президентская Комиссия по вопросам гражданства известила заявителя, что его ходатайство о предоставлении гражданства было возвращено в российское посольство в Туркменистане для дальнейшего оформления.

24. В январе 2004 года заявитель написал в Министерство Внутренних Дел. Он заявил, что он обратился за предоставлением российского гражданства в декабре 2000 года, и что рассмотрение подобных заявлений занимает от шести до двенадцати месяцев. Он не получил ответа на свое заявление. 21 января 2004 Паспортно-визовая служба Министерства Внутренних Дел проинформировала заявителя о том, что его ходатайство было направлено Санкт-Петербургское Управление внутренних дел и что он будет проинформирован о результатах.

С. Требование об экстрадиции в Туркменистан и арест заявителя.

25. Семья заявителя - его жена, дочь, сын и два внука - оставались в Туркменистане. После того, как заявитель прибыл в Россию, его жена сообщила ему, что ее несколько раз вызывали в Государственный Комитет Безопасности и спрашивали о местонахождении ее мужа. Она также сообщила ему, что против него было возбуждено уголовное дело, и что часть его собственности была конфискована.

26. 12 февраля 2004 года заявитель был вызван в Паспортно-визовую службу Санкт-Петербургского Управления внутренних дел для обсуждения "вопросов, связанных с предоставлением российского гражданства".

27. 25 февраля 2004 года заявитель отправился в здание Управления, где он был арестован. Ему было сказано, что его задержание связано с уголовным делом в Туркменистане.

28. 26 февраля 2004 года прокурор Центрального района Санкт-Петербурга выдал ордер на арест заявителя на основании международного ордера на розыск № 1207, выданного Туркменистаном в 2001 году. В ордере содержался подробный список с пунктами обвинения, выдвинутого против заявителя, включая хищение на сумму около 139 000 долларов США в 2000 и 2001 годах, когда заявитель был директором туркмено-американского совместного предприятия. Его обвиняли в совершении преступлений по Статье 228, части 4 Уголовного Кодекса Туркменистана. 4 апреля 2001 года он был объявлен в розыск в Туркменистане, и 26 апреля 2001 года прокурор Туркменистана выдал ордер на его арест. Генеральный прокурор России был проинформирован о задержании заявителя. Прокурор предложил Куйбышевскому районному суду Санкт-Петербурга выдать разрешение на арест заявителя.

29. 27 февраля 2004 года заявитель был доставлен в Куйбышевский районный суд. Ему был предоставлен адвокат. Прокурор ходатайствовал перед судом о задержании заявителя, и заявил, что тот находится в розыске в Туркменистане с апреля 2001 года по совершению преступления по Статье 228, части 4 Уголовного Кодекса Туркменистана. Генеральная прокуратура была проинформирована об аресте заявителя. Суд дал указание содержать заявителя под стражей в ожидании экстрадиции в Туркменистан. Суд не указал сроки его содержания под стражей.

30. Адвокат заявителя подал апелляционную жалобу в Санкт-Петербургский городской суд. В заявлении утверждается, что ходатайство заявителя о предоставлении ему статуса беженца уже находится на рассмотрении в данном суде. В ней была сделана ссылка на то, что его заявление о предоставлении российского гражданства находится на рассмотрении. Также утверждалось, что заявитель был задержан незаконно, поскольку не было решения компетентного прокурора о его задержании с целью его депортации.

31. 3 марта 2004 года начальник криминальной полиции Ашхабада обратился в Куйбышевский районный суд с просьбой выдать разрешение на содержание заявителя под

стражей по обвинению в хищении в крупных размерах – преступления, наказуемого лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет в соответствии с Уголовным Кодексом Туркменистана. В письме говорилось, что вопрос об экстрадиции будет решен непосредственно через Генеральные прокуратуры двух стран.

32. 3 марта 2004 года заявитель попросил г-жу Цейтлину представлять его интересы. Заявитель утверждал, что г-же Цейтлиной было отказано в доступе к документам, которые служили основанием для его задержания, в том числе к информации об уголовном судопроизводстве в Туркменистане и решению Генерального прокурора о задержании его с целью его экстрадиции. 9 марта 2004 года адвокат подала письменную жалобу на имя председателя Куйбышевского районного суда. 11 марта 2004 года адвокат была проинформирована о том, что она могла бы иметь доступ к документам, если бы она подала просьбу в письменном виде судье. В ответ на ее письменную просьбу председатель Куйбышевского районного суда перенес слушание с 11 на 12 марта 2004 года.

33. 9 марта 2004 года Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) в Москве написало письмо, в котором говорится, что ходатайство заявителя о предоставлении ему статуса беженца находится на рассмотрении в Куйбышевском районном суде, и что его экстрадиция в Туркменистан до вынесения решения по его ходатайству может нарушить раздел 10 Закона о беженцах и Статьи 33 Конвенции ООН 1951 года, касающейся статуса беженцев, участником которой является Россия.

34. 9 марта 2004 года Европейский суд, в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, обратился с просьбой к российским властям не выдавать заявителя в Туркменистан до получения дальнейшего уведомления.

35. 12 марта 2004 года Санкт-Петербургский городской суд, в присутствии адвоката заявителя, оставил в силе решение от 27 февраля 2004 года. Городской суд отметил, что заявитель находится в международном розыске, и что 26 февраля 2004 года [это следует читать 2001 года] заместитель прокурора Ашхабада выдал ордер на его арест. В отсутствие решения иностранного суда о задержании заявителя российский суд имел право сделать это по просьбе прокурора. Решением городского суда не определены сроки содержания заявителя под стражей.

36. 17 марта 2004 года Генеральная прокуратура получила запрос из Туркменистана о выдаче заявителя. Российское правительство ссылается на этот документ, однако его копия не была представлена в Суд. Заявитель и его адвокат утверждали, что они не видели этот документ.

37. 24 марта 2004 года российское Правительство проинформировало Суд о том, что заявитель был задержан в соответствии со статьей 466 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) и что никакого решения о его экстрадиции не было принято. Кроме того, Правительство утверждало, что все судебные процедуры в России будут отложены до получения дальнейшего уведомления из Суда.

38. 25 мая 2004 года Генеральный прокурор Туркменистана отправил на имя заместителя Генерального прокурора России следующее письмо:

"Генеральная прокуратура Туркменистана свидетельствует свое уважение Генеральной прокуратуре Российской Федерации и дает гарантию, что Александр Иванович Рябкин будет привлечен к уголовной ответственности лишь в отношении совершенных им преступлений, (хищение в крупных размерах), и [что он] не будет подвергаться, и никогда не подвергался, преследованию на политической, религиозной или национальной основе".

39. 27 августа 2004 года Куйбышевский районный суд отклонил жалобу заявителя, связанную с его статусом беженца на том основании, что заявитель не смог обосновать утверждения относительно своих опасений подвергнуться преследованиям на национальной или религиозной основе в Туркменистане.

40. 4 ноября 2004 года Санкт-Петербургский городской суд оставил в силе решение от 27 августа 2004 года. Оба суда отметили, что заявитель не представил какой-либо

конкретной информации о его предполагаемом преследовании на национальной или религиозной почве. Они пришли к заключению, что его страх перед возвращением в Туркменистан был основан, главным образом, на начатом в его отношении уголовном разбирательстве, и что он использовал процедуру предоставления статуса беженца, как способ уклонения от этих разбирательств.

41. Тем временем 8 сентября 2004 года заместитель Генерального прокурора представил просьбу о надзорном представлении (*надзорное представление*) в Президиум городского суда Санкт-Петербурга. В нем он поставил под сомнение процессуальную справедливость решения от 12 марта 2004 года на том основании, что присутствие заявителя не было обеспечено.

42. 29 сентября 2004 года Президиум городского суда отменил решение о надзорном представлении от 12 марта 2004 года, и передал его обратно для повторного рассмотрения. 12 октября 2004 года городской суд оставил в силе решение от 27 февраля 2004 года о задержании заявителя. Заявитель принимал участие посредством видеосвязи.

D. Дальнейшие процедуры по оспариванию законности ареста заявителя.

43. После марта 2004 года заявитель несколько раз обжаловал свое содержание под стражей. Поскольку он был арестован в Центральном административном округе Санкт-Петербурга, он подал жалобы в три суда, действующие в районе, а именно в Куйбышевский, Смольнинский и Дзержинский районные суды. Он также подал апелляцию в Калининский районный суд, в чью юрисдикцию входит тюрьма предварительного заключения ИЗ-47 / 4, где он содержался под арестом.

44. В национальных судах заявитель утверждал, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом он мог содержаться под стражей только в течение двух месяцев, и что после 27 апреля 2004 года это стало незаконным.

45. Кроме того, заявитель неоднократно обращался с жалобами в различные прокуратуры в связи с незаконностью его содержания под стражей.

46. Ниже представлено краткое описание этих обращений в судебные инстанции.

1. Судебные разбирательства в Куйбышевском районном суде

47. 3 мая 2004 заявитель и 19 мая 2004 года его адвокат подали жалобы в Куйбышевский районный суд, утверждая, что санкция на его задержание, которую суд выдал 27 февраля 2004 года, истекла 27 апреля 2004 года, и что она не была продлена.

48. 26 мая 2004 года Куйбышевский районный суд сообщил адвокату истца, что жалобы были переданы в прокуратуру Санкт-Петербурга.

49. Адвокат заявителя обжаловала в суде действия Санкт-Петербургского городского суда 3 июня 2004 года, как напрямую, так и через районный суд. В тот же день Куйбышевский районный суд проинформировал заявителя о том, что его жалобы были переданы в городскую прокуратуру.

50. 14 июня 2004 года адвокат заявителя вновь подала жалобу в Санкт-Петербургский городской суд, возражая против отказа Куйбышевского районного суда рассмотреть жалобы.

51. В ответ на это 23 июня 2004 года Санкт-Петербургский городской суд направил жалобу заявителя в городскую прокуратуру.

52. 29 июня 2004 года Куйбышевский районный суд ответил заявителю, что его жалобы в городской суд были переданы в прокуратуру Санкт-Петербурга, куда он должен обращаться в будущем, если он хочет заявить об изменении меры пресечения, примененной в его отношении.

53. 13 июля 2004 года Председатель Куйбышевского районного суда проинформировал адвоката заявителя, что данный суд не принимал никакого решения, и поэтому нельзя было подавать апелляции.

2. Судебные разбирательства в Смольнинском районном суде

54. 4 июня 2004 года заявитель подал жалобу в Смольнинский районный суд по поводу незаконности его задержания. 15 июня 2004 года руководство изолятора временного содержания возвратило жалобу заявителя с письмом судьи данного суда, в котором говорилось, что в его юрисдикцию не входят полномочия для ее рассмотрения.

55. 24 июня 2004 года заявитель, а 25 июня его адвокат написали в Смольнинский районный суд, обжаловав незаконное задержание заявителя, и обращаясь с просьбой принять официальное решение по его жалобе. 25 июня адвокат заявителя также подала жалобу в Санкт-Петербургский городской суд.

56. 9 июля 2004 года Санкт-Петербургский городской суд вернул адвокату заявителя ее жалобы, касающиеся действий Куйбышевского и Смольнинского районных судов без рассмотрения, заявив, что она может обжаловать решение Куйбышевского районного суда от 27 февраля 2004 года посредством надзорного представления.

57. 12 июля 2004 года Смольнинский районный суд вернул жалобы заявителю и заявил, что он не может обжаловать направление письма и, что по его жалобе не было принято никакого решения в силу отсутствия юрисдикции. Все вопросы, касающиеся экстрадиции, не выходят за рамки компетенции Генеральной прокуратуры, в которую он и должен подавать жалобы.

3. Судебные разбирательства в Дзержинском районном суде

58. 2 июня 2004 года заявитель подал жалобу о незаконном задержании в Дзержинский районный суд. В неустановленную дату суд вернул его жалобу без рассмотрения и заявил, что в силу того, что в Центральном административном округе Санкт-Петербурга в отношении заявителя не проводилось расследование, он не обладал юрисдикцией в отношении его содержания под стражей. Суд сообщил ему, что он должен подавать протест против своего незаконного задержания в Калининский районный суд, в компетенцию которого входило место заключения, в котором он содержался.

59. 15 июля 2005 года заявитель обжаловал это решение в городском суде через районный суд. В неустановленную дату суд вернул заявителю его жалобу и заявил, что в силу того, что в отношении заявителя в Центральном административном округе не проводилось расследование, он может обжаловать свое содержание под стражей в органах власти, ответственных за его экстрадицию.

60. 19 июля 2004 года адвокат заявителя снова обратилась в Дзержинский районный суд с просьбой рассмотреть жалобу по существу. 13 августа 2004 года суд назначил устное слушание по делу заявителя и попросил городскую прокуратуру направить все документы, относящиеся к его экстрадиции и содержанию под стражей.

61. 18 августа 2004 года Дзержинский районный суд провел устное слушание в присутствии заявителя и его адвоката и отказался рассмотреть жалобу по существу в силу отсутствия территориальной юрисдикции. Суд заявил следующее:

"Ссылка заявителя на статью 109 УПК является необоснованной, поскольку в Главе 54 УПК, которая регламентирует экстрадицию по уголовным обвинениям, не предусмотрена процедура продления ареста лица. Лица, арестованные в соответствии со Статьей 466 УПК, могут оставаться под стражей до тех пор, пока не будут выданы иностранному государству. Закон об уголовном судопроизводстве связывает срок содержания под стражей только с заранее установленными сроками, определенными сторонами для экстрадиции задержанного (Статья 467 § 1 УПК). В законе не содержится ссылка на применение Статьи 109 по аналогии, поэтому обязанность следователей требовать продления содержания под стражей не относится к данной категории лиц. Ни Европейская конвенция об экстрадиции (13 июля 1957 года), ни Минская Конвенция от 22 января 1993 года о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, с поправками от 28 марта 1997 года (Статья 62) не содержат какого-либо положения, соответствующего значению Статьи 109 УПК.

Суд не ставит под сомнение тот факт, что г-н Рябкин, находящийся в заключении, имеет право на судебную защиту, гарантированную Конституцией России. Вместе с тем, суд считает, что он и его адвокат могут воспользоваться этим правом, оспорив действия должностных лиц, относящихся напрямую к гражданскому судопроизводству, путем представления жалобы в суд соответствующей юрисдикции по месту нахождения представительств прокуратуры Санкт-Петербурга или Генерального прокурора, которая является органом, на который российское уголовно-процессуальное право возлагает ответственность по вопросам, касающимся экстрадиции".

62. Адвокат заявителя обжаловал данное решение 25 августа 2004 года. Она заявила, что положения Статьи 109 УПК должны применяться в отношении дела заявителя, и что суды должны обладать компетенцией рассматривать законность его содержания под стражей. Она заявила, что российское законодательство предусматривает, что все вопросы, касающиеся применения положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства должны быть урегулированы в порядке, предусмотренных УПК, а не посредством гражданского судопроизводства.

63. 25 ноября 2004 года Санкт-Петербургский городской суд отклонил апелляцию и оставил в силе решение от 18 августа 2004 года. В дополнение к заключению районного суда, он констатировал, что заявитель может обжаловать в суде действия прокуратуры согласно Статье 125 УПК.

4. Судебные разбирательства в Калининском районном суде

64. 30 апреля 2004 года заявитель подал жалобу в Калининский районный суд через руководство изолятора временного содержания о незаконности его содержания под стражей. 5 мая 2004 года начальник изолятора временного содержания вернул жалобу заявителю, отметив, что Калининский районный суд не обладает юрисдикцией заниматься этим делом, и, что заявитель вместо этого должен обратиться в Санкт-Петербургский городской суд.

65. 18 мая 2004 года адвокат заявителя письменно обратилась к начальнику изолятора временного содержания и заявила, что он превысил свои полномочия, отказав направить жалобу заявителя в суд. Она также отметила, что продолжающееся содержание под стражей заявителя является незаконным, и просила его освобождения.

66. 19 мая 2004 года адвокат заявителя подала жалобу, касающуюся содержания заявителя под стражей, в Калининский районный суд. 25 мая суд отказался рассматривать жалобу по существу, поскольку расследование в отношении заявителя в России не проводилось, и поэтому положения УПК не могли применяться в его отношении.

67. 3 июня 2004 года адвокат заявителя обжаловала это решение в городском суде, который 2 сентября отменил решение от 25 мая 2004 года, и передал дело в районный суд.

68. 27 октября 2004 года в Калининском районном суде состоялось слушание дела, и суд запросил у прокуратуры Санкт-Петербурга предоставить документы, обосновывающие содержание заявителя под стражей. До получения документов рассмотрение дела было отложено до 23 декабря, а затем до 29 декабря 2004 года. 29 декабря слушание дела было отложено до 13 января 2005 года, а впоследствии до 16 февраля 2005 года.

69. 16 февраля 2005 года Калининский районный суд на публичных слушаниях в присутствии заявителя и его адвоката, рассмотрел жалобу о незаконности его содержания под стражей. Суд отклонил жалобу и постановил, что дело должно быть передано в Куйбышевский районный суд.

5. Апелляции в органы прокуратуры

70. Заявитель и его адвокат неоднократно жаловались прокурорам различных уровней, стремясь добиться его освобождения.

71. 14 апреля 2004 года прокуратура Санкт-Петербурга проинформировала заявителя в ответ на его запрос об освобождении, что Генеральная прокуратура рассматривала просьбу

о его экстрадиции, что он будет проинформирован о результатах и, что не было никаких оснований для его освобождения из-под стражи.

72. 25 мая 2004 года Генеральная прокуратура России сообщала в письменной форме адвокату заявителя следующее:

"[Заявитель] был задержан в Санкт-Петербурге в соответствии со статьей 61 [Минской] Конвенции о правовой помощи, как лицо, которое было объявлено в международный розыск туркменскими правоохранительными органами.

В течение 40 дней Генеральный прокурор Туркменистана представил просьбу о выдаче господина Рябикина. Исходя из этого, по заявлению прокуратуры Санкт-Петербурга, Куйбышевский районный суд применил меру пресечения в виде содержания под стражей в соответствии со Статьей 446 § 1 УПК.

Вопрос о продлении содержания под стражей лица, задержанного по Статье 446 § 1 УПК, не рассматривается в рамках законодательства РФ.

Согласно информации, предоставленной представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека, решение Президента палаты Европейского суда применить Правило 39 Регламента Суда, которое касается только высылки за пределы / экстрадиции / депортации, или любого другого насильственного перемещения г-на Рябикина в Туркменистан, и никакого решения о его освобождении не было принято".

73. 8 и 21 июня 2004 года городская прокуратура Санкт-Петербурга сообщила адвокату заявителя, что ее жалобы от 12, 25 и 28 мая и 7 июля 2004 года, касающиеся освобождения заявителя, являются необоснованными, поскольку статья 466 УПК не предусматривает возможность продления содержания под стражей лиц, удерживаемых с целью экстрадиции.

74. 8 июля 2004 года Генеральная прокуратура проинформировала заявителя, что его экстрадиции в Туркменистан была приостановлена ввиду применения Судом Статьи 39 Регламента Суда. Его заявления о преследованиях в Туркменистане по политическим и национальным причинам находились на стадии рассмотрения. В заключение в письме говорилось, что для изменения примененной в его отношении меры пресечения нет никаких оснований.

75. 26 августа 2004 года Генеральная прокуратура ответила на просьбу заявителя о его освобождении в письме, аналогичном письму от 25 мая 2004 года.

76. 31 декабря 2004 года Генеральная прокуратура ответила адвокату заявителя, утверждая, что задержание заявителя являлось законным и, что 12 октября 2004 года Санкт-Петербургский городской суд подтвердил законность решения от 27 февраля 2004 года. Она также утверждала, что жалоба заявителя относительно законности его задержания была принята к рассмотрению Калининским районным судом.

6. Жалобы руководителю изолятора временного содержания

77. Заявитель и его адвокат также обратились с жалобой непосредственно к руководителю изолятора временного содержания ИЗ-47/4, ходатайствуя об освобождении заявителя, а также утверждении, что его содержание под стражей с 27 апреля 2004 года было незаконным.

78. 1 июня 2004 года адвокату заявителя сообщили, что дальнейшее содержание последнего под стражей основывалось на судебном решении от 27 февраля 2004 года, принятом в соответствии со статьей 446 УПК.

79. 2 и 28 сентября 2004 года заявитель снова подал жалобу руководителю изолятора временного содержания ИЗ 47/4.

80. Заявитель утверждал, что состояние его здоровья ухудшилось за то время, пока он находился в заключении.

81. 17 февраля 2005 года начальник учреждения ответил адвокату заявителя, что заявителю был поставлен диагноз ишемическая болезнь сердца и аритмия, но что ему была оказана медицинская помощь и госпитализация не требуется.

Е. Освобождение заявителя

82. 9 марта 2005 года Куйбышевский районный суд принял к рассмотрению жалобу заявителя о незаконности его дальнейшего содержания под стражей, в которой он также сослался на ухудшение своего здоровья.

83. 14 марта 2005 года Генеральная прокуратура, в ответ на просьбу Куйбышевского районного суда, заявила, что в отношении экстрадиции заявителя в Туркменистан не было принято никакого решения, и поэтому его дальнейшее содержание под стражей было законным.

84. 14 марта 2005 года Куйбышевский районный суд провел публичные слушания в присутствии заявителя и его адвоката и постановил освободить его. Суд отметил, что Генеральная прокуратура не приняла решение о его выдаче, с учетом применения Правила 39 Регламента Суда. Он также отметил, что УПК не предусматривает продление или изменение меры пресечения в отношении арестованного в дополнении к запросу об экстрадиции. Районный суд прямо применил Статью 17 Конституции России, которая гарантирует права и свободы в соответствии с признанными принципами и нормами международного права, и Статьи 5 Европейской Конвенции по правам человека, и пришел к выводу, что заявитель должен быть освобожден.

85. Генеральная прокуратура обжаловала это решение, однако 14 апреля 2005 года Санкт-Петербургский городской суд оставил его в силе.

Ф. Последующее развитие событий

86. В своих последних комментариях, представленных в июле 2007 года, Правительство заявило, что 22 апреля 2005 года Генеральная прокуратура Туркменистана предоставила гарантии своим российским коллегам в том, что заявитель не будет подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию в этой стране. В этом письме также было указано, что заявитель не будет выслан в третье государство без согласия российских властей; а после окончания судебного разбирательства и отбытия наказания заявителю будет разрешено покинуть Туркменистан без каких-либо препятствий. Российское Правительство не предоставило копию этого письма в Суд.

87. В сентябре 2005 года суд отменил временную меру, которая ранее применялась в отношении экстрадиции заявителя. В то же время он обратился к Правительству с просьбой информировать его о любых изменениях, касающихся процедуры экстрадиции, продолжавшейся в отношении заявителя.

88. Заявитель утверждает, что он продолжал находиться под угрозой ареста и экстрадиции в Туркменистан. По его словам 5 декабря 2005 года два милиционера в штатском посетили дом его брата в Санкт-Петербурге, разыскивая его. Они не предъявили никаких документов и сказали, что заявитель должен прийти в Городское Управление внутренних дел.

89. 7 декабря 2005 года адвокат заявителя и его брат отправились в здание Управления и были проинформированы о том, что временная мера была отменена, и что заявитель должен отметиться в Управлении внутренних дел. Никакие документы не были представлены в отношении какого-либо судебного разбирательства. Должностные лица также отказались прояснить было ли принято решение об экстрадиции заявителя в Туркменистан. 8 декабря 2005 года заявитель был вызван в Управление, но снова не получил никакого объяснения относительно состояния дел в отношении своей экстрадиции. Он не явился туда лично, опасаясь, что будет снова арестован.

90. В январе 2006 года Правительство проинформировало Суд о том, что "Генеральная прокуратура вернулась к рассмотрению вопроса о возможности экстрадиции заявителя. Поскольку место нахождения заявителя не установлено,... Министерство внутренних дел, действуя по поручению Генеральной прокуратуры, принимает меры по задержанию заявителя". В ответ Суд напомнил Правительству о том, что ему было предложено предоставить обновленную информацию об экстрадиции заявителя. Информация такого рода не поступала.

Г. Обстановка в Туркменистане

91. Заявитель представил ряд докладов об обстановке в Туркменистане, включая документы, опубликованные ОБСЕ, Европейским парламентом, Комиссией ООН по Правам человека, Государственным Департаментом США, Международной Амнистией, Мемориалом, Хьюман райтс уотч и Международной Хельсинской Группой по Правам Человека. В этих документах говорится о серьезных и продолжающихся нарушениях прав человека, происходящих в Туркменистане. В частности, в них имеется информация о преследовании этнических меньшинств, включая русских, нарушении принципа справедливого судебного разбирательства, широко распространенном применении пыток, невыносимых условиях содержания под стражей и отсутствии доступа к задержанным со стороны независимых организаций, адвокатов и родственников.

92. В частности, в докладе по Туркменистану Докладчика Представительства ОБСЕ в Москве, опубликованного профессором Эммануэль Деко 12 марта 2003 г., говорится:

"Происходили массовые нарушения всех принципов соблюдения законности, например, произвольные аресты и показательные процессы. Для получения признательных показаний применялись не только пытки, - принудительное применение наркотиков являлось средством подведения под уголовную ответственность, подвергавшей их смертельной опасности. «Враги народа» подвергались многообразным коллективным репрессиям, в то время как в засушливых регионах страны было объявлено насильственное перемещение, особенно на основании национальной принадлежности людей. Даже в том случае, если бы в законодательном порядке была отменена смертная казнь, на практике вероятность выживания политических заключенных и перемещенного населения очень низка".

В частности, в Докладе представлены рекомендации:

"Третьи Государства и, особенно, Государства-участники Европейской Конвенции по правам человека, должны отказывать в экстрадиции или передаче туркменских граждан, которым при существующих обстоятельствах грозит опасность подвергнуться пыткам или бесчеловечным и унижающим достоинство видам обращения. Они должны рассматривать возможность предоставления статуса беженца всем лицам, имеющим вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований, а также сотрудничать с УВКБ ООН в этом направлении".

93. На 23 октября 2003 года Европейский Парламент принял резолюцию по Туркменистану, в которой говорится, что "и без того ужасающая обстановка с правами человека в Туркменистане резко ухудшилась в последнее время, и имеются доказательства того, что в этом государстве Средней Азии установился один из наиболее тоталитарных режимов в мире". Среди прочего в нем содержится призыв к Правительству Туркменистана провести беспристрастное и тщательное расследование всех заявлений о пытках и жестоком обращении с лицами, находящимися в заключении, предоставить доступ Международному Комитету Красного Креста к заключенным, а также предоставить доступ независимых наблюдателей к уголовным делам.

94. В Резолюции 2003/11 Комиссии по правам человека о положении в области прав человека в Туркменистане выражено сожаление по поводу "[.] поведения туркменских властей, связанного с отсутствием справедливых судебных процессов над обвиняемыми, опорой на признательные показания, которые могли быть сделаны под пыткой или угрозой применения пыток, закрытыми судебными разбирательствами, противоречащих Статье 105 Конституции Туркменистана... и отказе предоставить допуск дипломатическим

миссиям или международным наблюдателям в Ашхабаде на судебные процессы в качестве наблюдателей".

95. В Резолюция 2004/12 Комиссии по правам человека о положении в области прав человека в Туркменистане выражена серьезная озабоченность по поводу "продолжающейся неспособности Правительства Туркменистана ответить на критику, содержащуюся в докладе докладчика **Московского представительства ОБСЕ** в отношении расследования, судебного разбирательства и заключения под стражу после сообщения о покушении на президента Ниязова в ноябре 2002 года, а также неспособности властей Туркменистана предоставить соответствующим независимым органам, членам семей и адвокатам доступ к осужденным лицам, или предоставить любого рода доказательства для того, чтобы рассеять слухи о том, что некоторые из осужденных уже умерли в заключении". Кроме того, Комиссия призвала Туркменистан [...] предоставить немедленный доступ соответствующим независимым организациям, включая Международный Комитет Красного Креста, а также адвокатам и родственникам, к лицам, содержащимся под стражей, особенно к тем лицам, которые были задержаны после событий 25 ноября 2002 года".

96. В докладе Генерального секретаря ООН о положении в области прав человека в Туркменистане от 3 октября 2006 г. (A/61/489) сделан вывод о том, что "грубые и систематические нарушения прав человека в стране продолжаются". Среди основных вызывающих озабоченность вопросов указаны политические репрессии в отношении инакомыслящих, положение меньшинств (включая не туркменские национальности), применение пыток и отсутствие независимой судебной системы.

97. Выражая озабоченность в связи с ситуацией в области прав человека, Европейский Парламент в октябре 2006 года принял резолюцию о приостановке дальнейшего рассмотрения временного торгового соглашения с Туркменистаном. В резолюции Международного торгового комитета говорится, что Европейский союз утвердит промежуточное торговое соглашение с Туркменистаном только в том случае, если "будет достигнуто четкий, осязаемый и устойчивый прогресс в области прав человека". Он призвал Правительство Туркменистана освободить всех политических заключенных, разрешить регистрацию и свободное функционирование неправительственных организаций, разрешить Международному Комитету Красного Креста свободно работать в стране и предоставить наблюдателям в области прав человека Организации Объединенных Наций "своевременный" доступ в Туркменистан для осуществления мониторинга ситуации.

98. Организация "Хьюман райтс уотч" в своем Глобальном Докладе 2007 года описала Туркменистан как "одно из самых репрессивных и закрытых государств", в котором власти жестоко подавляют все формы инакомыслия и изолируют населения от внешнего мира. Его ситуация в области прав человека в 2006 году была названа "катастрофичной". В частности, в докладе говорится о дискриминации этнических и религиозных меньшинств во многих важных сферах общественной жизни, применении пыток и плохих условиях тюремного содержания. В нем также отмечено, что "правительство упорствует в своем отказе предоставить международным организациям доступ в тюрьмы".

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

А. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) 2002 года

99. Статьи 108 и 109 УПК содержат положения, касающиеся досудебного задержания. Они предусматривают, что задержание может быть наложено судьей по обоснованной

просьбе прокурора или следователя, соответствующим образом уполномоченным прокурором, если никакая другая мера пресечения не может быть применена. Решение суда о применении содержания под стражей может быть обжаловано в течение трех дней в вышестоящем суд, который должен рассмотреть такое обжалование в течение трех дней со дня получения апелляции. Статья 109 устанавливает следующие условия досудебного содержания под стражей. Первоначальный срок задержания не может превышать двух месяцев. Если расследование продолжается, то он может быть продлен на срок не более шести месяцев судом по ходатайству прокурора. После этого, по заявлению регионального прокурора, оно может быть продлено максимально до 12 месяцев. При исключительных обстоятельствах, по заявлению Генерального прокурора или его заместителя досудебное содержание под стражей может быть продлено максимально до 18 месяцев.

100. В статье 125 УПК предусмотрен судебный пересмотр решений следователей, которые могут ущемить конституционные права участников процесса или препятствовать его доступу в суд.

101. Глава 54 УПК регулирует экстрадицию по уголовным обвинениям. В Статьях 462 и 463 указано, что решение о выдаче лица по запросу из другой страны принимается Генеральным прокурором или его заместителем. Такое решение может быть обжаловано в областном суде в течение 10 дней с момента уведомления о решении заинтересованного лица. Жалоба должна рассматриваться на публичном слушании в присутствии этого лица, его представителя и прокурора. Решение окружного суда может быть обжаловано в Верховном суде.

102. В Статье 464 говорится, что выдача не может состояться, если лицо, выдача которого запрашивается, является гражданин России, или если он имеет статус беженца.

103. В Статье 466 содержатся положения, касающиеся задержания лица, выдача которого запрашивается. Задержание может быть разрешено Генеральным прокурором или его заместителем после получения запроса об экстрадиции. Если иностранный суд уполномочил произвести арест, то решение прокурора не должно подтверждаться российским судом. Срок содержания под стражей не может превышать нормальные сроки содержания под стражей до окончания расследования, в соответствии с указанием в Уголовно-процессуальном кодексе в отношении аналогичных преступлений.

В. Минская Конвенция 1993 года

104. Статья 5 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенции 1993 года), участниками которой являются и Россия и Туркменистан, предусматривает, что Стороны должны связываться через свои центральные, региональные и другие органы. Другие ее соответствующие положения представлены ниже:

Статья 61: Арест или задержание до получения запроса об экстрадиции

"1. Лицо, экстрадиция которого запрашивается, может также быть арестован до получения запроса о выдаче, если имеется соответствующее прошение (ходатайство). Ходатайство должно содержать ссылку на ордер об аресте ... и в ней должно быть указано, что запрос об экстрадиции последует. Ходатайство об аресте ... может быть отправлено по почте, телеграфом, по телексу или факсу.

2. Кроме того, лицо может быть задержано без ходатайства, упомянутого в пункте 1 выше, если имеются юридические основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны, преступления, влекущие экстрадицию.

3. В случае ареста или задержания [человека] до получения *запроса* о выдаче, другая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно проинформирована".

Статья 61-1: Розыск лица до получения запроса об экстрадиции

"1. Договаривающиеся Стороны ... объявляют в розыск человека до получения запроса о выдаче, если имеются основания полагать, что этот человек может находиться на территории запрашиваемой Договаривающейся Стороны ...

2. Запрос о розыске ... должен содержать ... запрос на арест лица и обещание представить просьбу о его экстрадиции.

3. К запросу о розыске, должна прилагаться заверенная копия ... ордера об аресте ...

4. Запрашивающая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно проинформирована о аресте лица или о других результатах розыска".

Статья 62: Освобождение арестованного или задержанного лица

"1. Лицо, арестованное в соответствии со Статьей 61 § 1 и Статьей 61-1, должно быть освобождено ... если в течение 40 дней с момента его ареста не поступило никакого запроса об экстрадиции от запрашивающей Договаривающейся Стороны.

2. Лицо, арестованное в соответствии со Статьей 61 § 2, должно быть освобождено, если не поступило ходатайство, выданное в соответствии со статьей 61 § 1, в течение установленного законом об аресте срока".

С. Прецедентное право Конституционного суда

105. 4 апреля 2006 г. Конституционный суд рассмотрел заявление г-на Насруллоева, который заявил, что в силу того, что задержание человека в ожидании экстрадиции не было ограничено во времени, вытекающая из этого правовая ситуация является несовместимой с конституционной гарантией против произвольного ареста. Конституционный суд признал заявление недопустимым. Он установил, что в оспариваемых положениях нет никакой двусмысленности, поскольку общие положения, регулирующие меры пресечения были применимы ко всем формам и стадиям уголовного судопроизводства, включая те, что касаются процедуры экстрадиции. Конституционный суд вновь сослался на установленное прецедентное право, согласно которому чрезмерное или произвольное задержание, неограниченное по времени и без судебного рассмотрения, не является совместимым с Конституцией. 11 июля 2006 года Конституционный суд отказался выдать разъяснение этого решения, отметив, что в его компетенцию не входит указание конкретных правовых положений, регулирующих порядок и сроки применения мер, связанных с лишением свободы, к процедуре экстрадиции, которая входит в компетенцию судов общей юрисдикции.

Д. Прецедентное право Верховного суда

106. Правительство сослалось на свои заявления в отношении двух решений Верховного суда. Согласно Правительству, 12 октября 2005 года Президиум Верховного суда указал в деле об экстрадиции гражданина Азербайджана, что положения Статьи 109 УПК не применимы к ситуации содержания под стражей в ожидании экстрадиции. Аналогично, в деле г-на А., касающегося его задержания с целью экстрадиции в Армению, Департамент по Уголовным делам Верховного суда постановил следующее (дело № 72-005-19, 8 июня 2005 г.):

"Срок содержания под стражей лица, которое должно быть выдано в то место, где было совершено преступление ... не регулируется Статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса. В соответствии с требованиями [Минской конвенции 1993 года], арестованный по просьбе иностранного государства может содержаться под стражей в течение сорока дней, до тех пор, пока не поступит запрос об экстрадиции. Последующее содержание лица под стражей регулируется уголовным законодательством запрашивающей стороны (в данном случае Армении)".

ЗАКОН

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

107. Заявитель утверждал, что, приняв решение о его выдаче Туркменистану Россия нарушит Статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

1. Доводы сторон

108. Заявитель утверждал, что его экстрадиции в Туркменистан будет несовместима со Статьей 3. Он заявил, что власти не приняли во внимание информацию, в которой указывается, что существует реальный риск применения пыток и преследований по национальному признаку. Он сослался на многочисленные данные, показывающие, что пытки и жестокое обращение были широко распространены среди заключенных в Туркменистане, и что, будучи член этнического меньшинства, он будет находиться в особенно уязвимом положении.

109. Правительство настаивало на том, что нет никаких оснований ожидать обращения, противоречащего Статье 3, если заявителю заявителя отправят в Туркменистан. Они отметили, в частности, обоснованное решение Санкт-Петербургского отделения Федеральной миграционной службы от 24 октября 2003 года, подтвержденное решениями компетентных судов, согласно которому ходатайство заявителя о предоставлении статуса беженца были объявлено необоснованным. Правительство подчеркнуло, что заявителю были предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления экономического характера (хищение), которое не имело никакого отношения к какой-либо политической или этнической проблеме. Он изначально принимал участие в следственных действиях и покинул Туркменистан в 2001 году без каких-либо препятствий со стороны туркменских властей. Кроме того, Правительство отметило, что его семья продолжала проживать в Туркменистане, и что нет никаких оснований полагать, что они стали жертвами ненадлежащего обращения или дискриминации. Наконец, Правительство сослалось на два письма, содержащих гарантии со стороны Генеральной прокуратуры Туркменистана в том, что заявитель не будет подвергаться преследованию или дискриминации, и не будет подвергнут бесчеловечному или жестокому обращению и наказанию (см. пункты 38 и 86 выше). Правительство заявило, что у него нет оснований изучать условия содержания заявителя под стражей в Туркменистане, поскольку он не находился в заключении в этой стране.

2. Общие принципы

110. В прецедентное право Суда включено, что экстрадиция со стороны Договаривающегося Государства может породить проблемы, предусмотренные в Статье 3, и, следовательно, инициировать ответственность этого Государства в соответствии с Конвенцией там, где имеются основания полагать, что если соответствующее лицо будет экстрадировано, оно столкнется с реальной опасностью подвергнуться в принимающей стране такому обращению, которое противоречит Статье 3. Установление такой ответственности неизбежно предполагает оценку соответствия условий в запрашивающей стране нормам Статьи 3 Конвенции. Тем не менее, вопрос не стоит о рассмотрении или установлении ответственности принимающей страны, будь то в рамках общего международного права, Конвенции или иным образом. Таким образом, любую ответственность в плане Конвенции несет Договаривающееся Государство является

ответственностью договаривающейся страны, производящей экстрадицию в силу того, что она принимает меры, которые являются прямым следствием воздействия человека на запрещенное жестокое обращение (см. *Соринг против Соединенного Королевства*, решение от 7 июля 1989 года, Серия № 161, с. 35-36, § § 89-91; *Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства*, 30 октября 1991 года, Серия № 215, р. 36, § 107 и **HLR** *против Франции*, решение от 29 апреля 1997 года, Доклады о судебных решениях и постановлениях 1997-III, стр. 758, § 37).

111. При определении того, было ли продемонстрировано, что заявителю в случае высылки угрожает реальная опасность подвергнуться отношению, запрещенному согласно Статье 3, Суд оценит вопрос в свете всех переданных ему материалов, или, в случае необходимости, материалов, полученных по собственной инициативе. Суд должен быть удовлетворен тем, что оценка, проведенная властями Договаривающегося государства, является адекватной и достаточно обоснованной отечественными материалами, а также материалами из других надежных и объективных источников. Существование риска должно в первую очередь оцениваться со ссылкой на те факты, которые известны или должны быть известны Договаривающемуся государству на момент высылки (см. дело *Вилвараджа и другие*, упомянутое выше, стр. 36, § 107). В тех случаях, когда заявитель еще не был выслан, материальной точки времени является рассмотрение дела в Суде (см. *Чахал против Соединенного Королевства*, решение от 15 ноября 1996 года, стр. 1856 и 1859, §§ 86 и 97, Сборник судебных решений 1996-V; дело *HLR против Франции*, упомянутые выше, с. 758, § 37, и *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [GC], № 46827/99 и №46951/99, § 69, ECHR 2005 I).

112. Для того чтобы определить, существует ли риск жестокого обращения, Суд должен рассмотреть предсказуемые последствия высылки заявителя в принимающую страну, с учетом общей обстановки в этой стране и его личных обстоятельств (см. дело *Вилвараджа и другие*, упомянутое выше, § 108 в конце главы). В принципе заявитель должен сам предоставить подтверждающие материалы, которые могут доказать, что имеются веские основания полагать, что, если мера, в отношении которой поступила жалоба, будет исполнена, ему грозит реальная опасность подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 (см. *Н. против Финляндии*, № 38885/02, § 167, 26 июля 2005 года). В том случае, когда такие доказательства приведены, Правительство обязано предпринять меры для того, чтобы рассеять любые сомнения на их счет.

113. Для этой цели в том, что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд часто придает большое значение информации, содержащейся в последних докладах независимых источников из числа международных правозащитных организаций, таких как "Международная амнистия", или правительственных источников, включая Государственный департамент США (см., например, дело *Чахал*, приведенное выше, § § 99-100; *Муслим против Турции*, № 53566/99, § 67, 26 апреля 2005 г.; *Сауд против Нидерландов*, № 2345/02, § 54, 5 июля 2005 г., и *Аль-Моайяд против Германии* (декабрь), № 35865/03, § § 65-66, 20 февраля 2007 г.). В то же время, он счел, что простая возможность жестокого обращения вследствие нестабильной ситуации в принимающей стране, сама по себе не приводит к нарушению Статьи 3 (см. дело *Вилвараджа и другие*, упомянутое выше, § 111, и *Фатган Катани и другие против Германии* (декабрь), № 67679/01, 31 мая 2001 г.), и что там, где имеются источники описывающие общее положение, конкретные утверждения заявителя в конкретном случае требуют подтверждения из других источников (см. дело *Маматкулов и Аскарлов*, приведенное выше, § 73).

114. В тех случаях, когда заявитель утверждает, что он или она является членом группы, систематически подвергающейся жестокому обращению, Суд считает, что защита, предоставляемая Статьей 3 Конвенции, вступает в силу, когда заявитель устанавливает, если необходимо, то и на основе источников, упомянутых в предыдущем пункте, что имеются серьезные основания считать верным существование подобной практики, а также

его или ее членство в указанной группе (см. *с необходимыми изменениями, Салах Ших против Нидерландов*, № 1948 / 04, §§ 138-149, ЕСЧР 2007 г. ... (выдержки), и *Саади против Италии* [GC], № 37201/06, § 132, 28 февраля 2008 г.).

3. Применение к данному делу

115. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что до настоящего времени в отношении экстрадиции заявителя в Туркменистан не было принято никакого решения. Тем не менее, стороны не ставят под сомнение, что заявитель находится под угрозой такой экстрадиции. Заявитель не сообщил о своем местонахождении властям, потому что он опасается, что решение о его выдаче в Туркменистан может быть принято и приведено в исполнение в любой момент. При таких обстоятельствах, суд приходит к заключению, что вопрос связанности со Статьей 3 сохраняется. Суд также, в свете прецедентного права, о котором говорилось выше, примет во внимание существующие условия в стране назначения.

116. Суд отмечает, что свидетельства ряда объективных источников, кратко изложенные выше, говорят о крайне плохих условиях содержания под стражей, а также что жестокое обращение и пытки продолжают вызывать озабоченность всех наблюдателей ситуации в Туркменистане. Он также отмечает, что точная информация о ситуации с правами человека в Туркменистане и, в частности, о местах заключения, является скудной и трудно проверяемой ввиду исключительно ограничительного характера существующего политического режима, называемого "одним из наиболее репрессивных и закрытых государств в мире", и систематического отказа туркменских властей разрешить международным или просто неправительственным наблюдателям провести мониторинг в местах заключения. Вследствие этого судьба даже самых известных заключенных, зачастую остается неизвестной даже для их семей (см. пункты 91-98 выше).

117. Однако, как Суд уже отметил в предыдущих случаях, представленные выше данные свидетельствуют об общей ситуации в стране назначения. Они должны подтверждаться конкретными утверждениями и требуют подтверждения другими свидетельствами (см. дело *Маматкулова и Аскарлова*, упомянутое выше, § 73). В этом же контексте, Суд должен исследовать провели ли власти оценку риска жестокого обращения до принятия решения об экстрадиции (там же, §§ 67-69).

118. Правительство сослалось на то обстоятельство, что заявителю было отказано в предоставлении статуса беженца российскими миграционными властями, а впоследствии и в судах. Это было сделано в основном на следующих основаниях: заявителю было разрешено покинуть Туркменистан законно и без каких-либо препятствий; его семья продолжала жить в безопасности в Туркменистане; по приезде в Россию заявитель не сразу подал заявление о предоставлении убежища; и уголовное производство в Туркменистане никак не было связано с его политической, религиозной или этнической принадлежностью, а вытекало из той коммерческой деятельности, которой он занимался. Власти не нашли оснований для поддержки утверждения о том, что заявитель подвергался преследованиям на расовой почве, и поэтому они решили, что он не является беженцем в смысле соответствующего законодательства. Суд не видит никаких оснований для того, чтобы подвергнуть сомнению эти выводы. Тем не менее, он уже несколько раз признавал, что защита, предоставляемая Статьей 3 является более широкой, чем та, которая предусмотрена Статьей 33 Конвенции 1951 года о Статусе беженцев, на которой основано соответствующее законодательство Российской Федерации (см. *с необходимыми изменениями, Ахмед против Австрии*, решение от 17 декабря 1996 г., Сборники судебных решений 1996-VI, § 41).

119. Суд отмечает, что Правительство ссылается на заверения Генерального прокурора Туркменистана о том, что заявитель не будет подвергаться жестокому обращению в этой стране. Однако копия этого письма не была представлена Суду. В любом случае, даже

признав, что такие гарантии были предоставлены, суд отмечает, что в упомянутых выше докладах, отмечалось, что власти Туркменистана систематически отказывают международным наблюдателям в доступе в страну, и, в частности, в места лишения свободы. При таких обстоятельствах суд обязан поставить под вопрос ценность заверений в том, что заявитель не будет подвергаться пыткам, в виду того, что никаких объективных средств контроля за их выполнением не существует. Суд также напоминает о своих предыдущих судебных разбирательствах, в соответствии с которыми он пришел к выводу, что дипломатические заверения не являются сами по себе достаточными для обеспечения адекватной защиты от риска жестокого обращения, в то время как надежные источники докладывают об их применении или попустительстве со стороны властей, что явно противоречит принципам Конвенции (см. дело *Саади*, приведенное выше, §§ 147-148).

120. Суд далее отмечает, что, по всей вероятности, российские власти не рассматривали проблемы заявителя в свете Статьи 3, так как слушания о предоставлении статуса беженца были ограничены вопросом о том, мог ли он утверждать, что он является жертвой преследования на одном из оснований, перечисленных в соответствующих положениях внутреннего и международного законодательства. В их наблюдениях Правительство заявило, что у него не было причин изучать условия задержания заявителя в Туркменистане, потому что его там не задерживали. Однако, ввиду безоговорочности Статьи 3, такая оценка должна проводиться до вынесения решения об экстрадиции, а также должны приниматься во внимание надлежащие факторы для того, чтобы предотвратить появление жестокого обращения (см., недавнее дело, *Гарабаев против России*, № 38411/02, § 79, 7 июня 2007 г., ECHR 2007 ... (выдержки))

121. Основной аргумент, выдвинутый заявителем в соответствии со Статьей 3 – это опасность жестокого обращения в местах заключения в Туркменистане, усугубленное его этническим происхождением. Суд отмечает, что в Туркменистане заявителю было предъявлено обвинение в совершении серьезного преступления (хищение), потенциально влекущее за собой тяжкий приговор о лишении свободы на срок от восьми до пятнадцати лет (см. пункт 31 выше), и что в 2001 году был выдан ордер на его арест. Если заявителя экстрадируют в Туркменистан, его почти наверняка задержат, что грозит ему весьма реальной опасностью провести многие годы в тюрьме. С учетом приведенной выше информации об условиях заключения, заключении без права общения и переписки, и уязвимое положение меньшинств, суд приходит к выводу, что имеются достаточные основания полагать, что ему будет угрожать реальная опасность подвергнуться такому обращению, которое нарушает Статью 3 Конвенции.

122. Итак, при конкретных обстоятельствах данного дела, Суд выносит решение о том, что экстрадиция заявителя в Туркменистан будет являться нарушением Статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 1 (f) КОНВЕНЦИИ

123. Заявитель подал жалобу в соответствии со Статьей 5 § 1 Конвенции о том, что его незаконно держали в заключении в ожидании экстрадиции. Соответствующие части Статьи 5 § 1 гласят:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, предписанной законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу ... лица, в отношении которого принимаются меры с целью ... экстрадиции".

1. Доводы сторон

124. Заявитель утверждал, что его задержание было незаконным, поскольку процедуры, предусмотренные внутренним и международным законодательством, не были соблюдены. Он также подчеркнул, что разбирательство не было проведено с необходимой тщательностью и что его задержание, вследствие этого, было произвольным.

125. Согласно утверждениям Правительства, задержание заявителя было должным образом уполномочено в апреле 2001 года прокурором Туркменистана. В России оно было санкционировано Куйбышевским районным судом 27 февраля 2004 года, что подтверждено апелляцией Санкт-Петербургского городского суда. Правительство отметило, что 4 апреля 2006 г. Конституционный суд вынес решение по жалобе, аналогичной той, которая была подана заявителем. Впоследствии, 11 июля 2006 года Конституционный суд отказался выдать разъяснение этого решения, отметив, что в его компетенцию не входило указывать конкретные правовые положения, регулирующие порядок и сроки применения меры пресечения при проведении процедуры экстрадиции, что находилось в компетенции судов общей юрисдикции (см. пункт 105 выше). Ссылаясь на позицию Верховного суда в отношении дела г-на А. и еще одного дела, по которым не были представлены копии решений суда, Правительство настаивает на том, что Статья 109 УПК, устанавливающая предельные сроки досудебного содержания под стражей, неприменима в отношении продления срока заключения лиц, содержащихся под стражей с целью экстрадиции (см. пункт 106 выше)

126. Они также утверждают, что заявитель сам способствовал продлению своего содержания под стражей, подав "необоснованные заявления" о предоставлении статуса беженца в России, а впоследствии оспаривая отказы в российских судах. Кроме того, в период с марта 2004 года по сентябрь 2005 года заявитель не мог быть выдан в соответствии с временной мерой наложенной Судом.

2. Оценка Суда

127. Суд ранее отметил, что в случаях, касающихся лишения свободы, представляется особенно важным, чтобы соблюдался общий принцип юридической определенности. Требование к "качеству закона" в отношении Статьи 5 § 1 подразумевает, что в тех случаях, когда национальное законодательство разрешает лишение свободы, оно должно поддаваться оценке, должно быть точным и в предсказуемым в применении, с тем чтобы избежать любой риск стать произвольным (см. *Барановски против Польши*, № 28358/95, § 50-52, ECHR 2000 III, и *Худоеров против России*, № 6847/02, § 125, ECHR 2005... (выдержки)).

128. Поскольку, вопрос касается качества национального законодательства, регулирующего содержание под стражей в ожидании экстрадиции, Суд напоминает, что он уже сталкивался с аналогичным вопросом в деле *Насруллоев против России* (№ 656/06, § 77, 11 октября 2007 г.). В своих аргументах по данному делу Правительство ссылалось на внутреннее законодательство и судебные процедуры, регламентирующие такое задержание, которые Суд уже признал несовместимыми, взаимоисключающими и не ограниченными адекватными гарантиями против произвола. В решении по делу Насруллоева, положения российского законодательства, регулирующего заключение под стражу лиц с целью экстрадиции, были признаны как неточными, так и непредсказуемыми в применении, и не соответствующими уровню стандарта "качества закона", требуемого согласно Конвенции.

129. Суд отмечает, что несоответствие внутреннего законодательства оказалось в центре внимания в данном случае снова. На протяжении всего времени содержания заявителя под стражей, российской правоохранительной системе не удалось определить компетентный орган, ответственный за санкционирование заключения, указать применимые правовые нормы и определить сроки такого задержания. Например, 26 мая и

3 июня 2004 года Куйбышевский районный суд направил жалобу заявителя по поводу его незаконного задержания в прокуратуру Санкт-Петербурга. 25 мая 2004 Генеральная прокуратура признала в письме на имя адвоката заявителя, что "вопрос о продлении заключения задержанного лица [для целей экстрадиции] не рассматривается в российском законодательстве". 12 июля 2004 года Смольнинский районный суд проинформировал заявителя о том, что он должен связываться с Генеральной прокуратурой по всем вопросам, связанным с его содержанием под стражей в ожидании экстрадиции. 18 августа 2004 года Дзержинский районный суд выразил мнение о том, что положения УПК были неприменимы к случаю заявителя, и посоветовали ему обжаловать действия соответствующих должностных лиц в рамках гражданского судопроизводства (см. пункты 47-61 выше). 16 февраля 2005 года Калининский районный суд постановил, что дело должно быть передано в Куйбышевский районный суд. Наконец, 14 марта 2005 года Куйбышевский районный суд вынес решение, что в российском законодательстве нет положений, регулирующих продление содержания под стражей лиц, находящихся в положении заявителя. Он был освобожден с прямой ссылкой на Статью 5 Конвенции (см. п. 84 выше)

130. При таких обстоятельствах суд не находит никаких оснований отклониться от заключений, сделанных в решении по делу Насруллоева и подтверждает что соответствующее внутреннее законодательство не сумело защитить заявителя от произвола. Вследствие этого его задержание нельзя рассматривать «законным» в пределах значения Статьи 5 § 1 (f)

131. Кроме того, следует напомнить, что любое лишение свободы, является оправданным в соответствии со статьей 5 § 1 (f) только до тех пор, пока осуществляется процедура депортации. Если производство не осуществляется с должной тщательностью, то задержание перестает быть допустимым в соответствии с данным положением (см. дело *Чохала*, приведенное выше, § 113; *Куинн против Франции*, решение от 22 марта 1995 г., Серия № 311, стр. 19, § 48, а также *Коломпар против Бельгии*, судебное решение от 24 сентября 1992 г., Серия № А-235, с. 55, § 36).

132. Суд отмечает, что в данном случае заявитель оставался в заключении в период с 25 февраля 2004 года по 14 марта 2005 года, то есть в течение двенадцати месяцев и восемнадцати дней. Как признало правительство в своих комментариях и как уже неоднократно заявляли внутренние органы, разбирательства в отношении его экстрадиции были "приостановлены" в течение большей части указанного периода. Хотя Правительство и ссылается на временную меру, указанную Судом в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, этот аргумент не может быть использован в качестве оправдания для бессрочного содержания под стражей лиц без разрешения их правового статуса. В данном случае, по видимому, задержание заявителя в ожидании процедуры выдачи на самом деле не было оправданным, в силу отсутствия каких-либо решений в этом отношении и на сегодняшний день. Данный факт усугубляется приведенным выше заключением Суда в отношении Статьи 3, что до настоящего времени не было проведено надлежащей оценки утверждений заявителя в соответствии со Статьей 3 (см., *напротив*, дело *Чохал* приведенное выше, § 117). Суд, таким образом, выносит решение, что разбирательства в отношении содержания заявителя под стражей не были выполнены с необходимой тщательностью.

133. Таким образом, налицо нарушение Статьи 5 § 1 (f) Конвенции, связанное с незаконным характером содержания заявителя под стражей и отсутствием необходимой тщательности при проведении производства по делу.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

134. Заявитель подал жалобу, что он не смог добиться эффективного судебного пересмотра своего задержания в рамках Статьи 5 § 4, которая гласит:

“Каждый, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, имеет право предпринять процедуры, с помощью которых правомерность его содержания под стражей должна быть решена в скорейшие сроки, а также должно быть вынесено распоряжение о его освобождении, если задержание является незаконным”.

1. Доводы сторон

135. Заявитель поставил вопрос о проведении судебного рассмотрения своего содержания под стражей в ожидании экстрадиции. Он заявил, что в российском законодательстве не имеется механизмов для такого рассмотрения, поскольку суды в течение более одного года отказывались рассматривать его жалобы, утверждая, что они не обладают соответствующей юрисдикцией. Он, наконец, был освобожден в связи с прямым применением Статьи 5 Конвенции, но не в связи с какими-либо положениями внутреннего законодательства

136. Правительство подчеркнуло, что задержание заявителя подлежало рассмотрению в суде, и что 14 марта 2005 года Куйбышевский районный суд Санкт-Петербурга распорядился о его освобождении, ссылаясь непосредственно на Европейскую Конвенцию. Суд отметил отсутствие правовых оснований в национальном законодательстве, которые могли бы позволить расширить или изменить меры пресечения в отношении лиц, задержанных с целью экстрадиции. Поэтому Правительство утверждает, что нарушения права заявителя на судебное рассмотрение законности его задержания не было.

2. Оценка Суда

137. Суд повторяет, что цель Статьи 5 § 4 состоит в том, чтобы предоставить лицам, которые подверглись аресту и задержанию, право на судебный пересмотр законности примененных в их отношении мер (см. *с необходимыми изменениями, Де Вильд, Оомс и Версип против Бельгии*, судебное решение от 18 июня 1971 г., Серия № 12, § 76). Необходимо, чтобы у человека был доступ к средствам правовой защиты во время его задержания с тем, чтобы он мог добиться быстрого судебного рассмотрения законности своего задержания, которое может способствовать, в случае необходимости, его освобождению. Наличие средства правовой защиты, требуемого согласно Статье 5 § 4, должно быть достаточно определенным не только теоретически, но и на практике; в противном случае доступность и эффективность, необходимые для целей этого положения, будут отсутствовать (см. *с необходимыми изменениями Стоичков против Болгарии*, № 9808/02, § 66 в конце главы, 24 марта 2005 г., и *Вачев против Болгарии*, № 42987/98, § 71, ECHR 2004-VIII (выдержки))

138. Обращаясь к данному делу, Суд отмечает, что затянувшийся отказ внутренних судов рассмотреть жалобы по существу и их соответствие Конвенции, а не по каким-либо национальным инструментам, предполагает, что восстановление нарушенных прав, на которые ссылается правительство, не было предоставлено. Такой подход вредит способности заявителя обжаловать в судебном порядке законность своего задержания, о чем свидетельствуют тщетные попытки заявителя добиться такого пересмотра с марта 2004 года по март 2005 года. Следует также отметить, что, в заключение, содержание заявителя под стражей было признано незаконным в марте 2005 года Куйбышевским районным судом, который в 2004 году несколько раз проинформировал заявителя о том, что он не был компетентен рассматривать указанную жалобу. Такая ситуация явно не

может рассматриваться как соответствующая определенным, доступным и эффективным стандартам судебной защиты, перечисленным выше.

139. Суд также отмечает, что ситуация заявителя, связанная с судебным пересмотром, аналогична ситуации заявителя в деле Насруллоева (см. дело *Насруллоева*, приведенное выше, §§ 88-89), где было установлено, что у заявителя не было официального статуса в рамках национального уголовного права, поскольку в России против него не было заведено уголовное дело, и он, вследствие этого, не мог иметь законных оснований добиться рассмотрения законности своего задержания судом.

140. Из этого следует, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции в связи с отсутствием средств судебной защиты, на основании которых следовало бы рассмотреть правомерность содержания заявителя под стражей.

141. Заявитель также заявил о некоторых процедурных нарушениях, допущенных в ходе судебного разбирательства, касающихся пересмотра его содержания под стражей; однако, учитывая выводы, представленные выше Суд не считает необходимым рассматривать эти жалобы, поданные в соответствии со Статьей 5 § 4.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

142. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если суд приходит к выводу, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны позволяет предоставить лишь частичное возмещение вреда, Суд, в случае необходимости, должен предоставить справедливое удовлетворение потерпевшей стороне”.

A. Ущерб

143. Заявитель не потребовал денежной компенсации ущерба. Что касается нематериального ущерба, он заявил, что опасность быть подвергнутым пыткам в заключении в Туркменистане, его незаконное задержание и длительная неспособность рассмотреть законность его задержания вызвали у него чувство боли, горя и тревоги, для которых сам факт признания нарушения не является достаточной компенсацией. Он оставил определение точной суммы компенсации на усмотрение суда.

144. Правительство считает, что в случае если Суд выявит нарушение Конвенции, сумма компенсации не должна превышать суммы компенсации в других аналогичных случаях. Они сослались на дело *Калашиников против России*, в котором компенсация за нематериальный ущерб составила 5000 евро (EUR) (см. *Калашиников против России*, № 47095/99, § 143, ECHR 2002 VI).

145. Произведя свою оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 15 000 евро за нематериальный ущерб, плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы.

B. Издержки и расходы

146. Заявитель потребовал возмещения 11 750 евро и 2 441 фунтов стерлингов (GBP) за расходы и издержки, понесенные в ходе разбирательств во внутренних органах и в данном Суде. Он заявил, что его представляла адвокат О. Цейтлина, которой помогали юристы из правозащитного центра Мемориал, находящегося в Москве и в Лондоне

147. В поддержку своих требований заявитель представил копию своего соглашения с г-жой Цейтлиной от 31 марта 2004 года, а также копию дополнительного соглашения о правовой помощи от 28 декабря 2004 года, в котором указаны г-жа Цейтлина и три адвоката из Мемориала, из которых один находился в Москве, а двое в Лондоне. В

последнем соглашении была установлена стоимость представительских услуг, а именно 100 евро в час за работу г-жи Цейтлиной, 50 евро в час за работу адвоката Мемориала, находившегося в Москве и 100 фунтов стерлингов в час за работу двух адвокатов, находившихся в Лондоне. Таким образом, заявитель потребовал 8 000 евро за 80 часов работы г-жи Цейтлиной, 3 750 евро за 75 часов работы адвоката, находившегося в Москве и 700 фунтов стерлингов за семичасовую работу, двух лондонских адвокатов. Кроме того, заявитель потребовал возместить 1 581 фунтов стерлингов за расходы на переводческие услуги, что подтверждается счетами, и 70 фунтов стерлингов за расходы на офисные и канцелярские принадлежности.

148. Правительство поставило под сомнение разумность и обоснование требуемых расходов.

149. Суд напоминает, что для того, чтобы издержки и расходы были включены в решение согласно Статье 41, необходимо установить, что они были фактически понесены, были обязательными для того, чтобы предотвратить или получить компенсацию по тому вопросу, который, как было выявлено, стал нарушением Конвенции, а также, что данные расходы были разумными в количественном выражении (см., например, *Нильсен и Джонсон против Норвегии* [GC], № 23118/93, § 43, ECHR 1999-VIII). Из представленных материалов явствует, что заявителем были понесены судебные издержки и расходы, связанные с разбирательством в связи с определением его статуса беженца, а также с попыткой добиться судебного пересмотра содержания его под стражей в ожидании экстрадиции. Суд также отмечает, что случай был относительно сложным; однако он сомневается, что на него потребовался такой объем работы юристов, который был представлен заявителем, особенно с учетом ограниченного количества заявлений, представленных после того, как дело было объявлено приемлемым. Принимая во внимание находящиеся в его распоряжении материалы, Суд присуждает заявителю 9 000 евро за издержки и расходы, за вычетом 701 евро, полученного в виде юридической помощи от Совета Европы.

С. Проценты за просроченный платёж

150. Суд считает уместным, чтобы проценты за просрочку платежа исчислялись из расчета кредитной ставки Европейского Центрального Банка, к которым должны быть добавлены три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Считает, что экстрадиция заявителя в Туркменистан будет нарушением Статьи 3 Конвенции;
2. Считает, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 (f) Конвенции;
3. Считает, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции в связи с отсутствием судебного рассмотрения содержания заявителя под стражей;
4. Считает, что нет необходимости изучать другие жалобы заявителя в рамках Статьи 5 § 4;
5. Считает,
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента вступления решения в законную силу в соответствии со Статьей 44 § 2

Конвенции, следующие суммы, которые необходимо перевести в российские рубли по ставке, действующей на дату оплаты:

(i) 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро), плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве нематериального ущерба;

(iii) 8 299 евро (восемь тысяч двести девяносто девять евро), плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителя, в качестве компенсации издержек и расходов;

(б) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до осуществления выплаты должны выплачиваться простые проценты на вышеуказанную сумму по курсу равному минимальной кредитной ставке Европейского Центрального Банка за период задержки выплаты плюс три процентных пункта;

6. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, и доведено до всеобщего сведения в письменном виде 19 июня 2008 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Регистратор

Христос Розакис
Президент